

Беда в нашем Отечестве была всеобщей. В стороне от той страшной беды никто не остался. Десятки миллионов людей оказались ее заложниками: одних сразила пуля врага, других – непосильная для человека, по сути дела, лошадиная работа, а третьих свел в могилу голод.

Народ симбирский – очень гостеприимный, очень хлебосольный народ! В разные времена много кого побывало там в гостях. Давным-давно бывал в Симбирской губернии и сам Александр Сергеевич Пушкин! Был он гостем чистородникового русского поэта Николая Михайловича Языкова.

К тем местам, в которых побывал и Пушкин, из моего васьковского, стрижино-ласточкина Присурья на протяжении десятилетий меня постоянно возвращала мама Анна Михайловна – крестьянка, вечная труженица, достойно пронесшая по жизни тяжелейшую женскую долю. Н.А. Некрасов давно сказал вот эти слова: «Есть женщины в русских селеньях, с спокойной важностью лиц, с красивою силой в движеньях, с походкой, со взглядом цариц...». Слова эти к нашим женщинам-крестьянкам полностью подходят и сегодня.

Мама прожила восемьдесят семь лет и до последних дней своей жизни все повторяла вслух: «Да, сынок, пострадали мы за жизнь!.. Особенно страдали вот в тех самых местах, возле села Тагай, где, сказывали, проезжал когда-то Александр Сергеевич Пушкин!»

Мама вела речь о величайших страданиях, кои она, тысячи других женщин переносили в свирепую-студеную военную зиму 1941-1942 годов на окопах. Рыли окопы женщины – русские, татарки, мордовки, чувашки... Многих национальностей. Тогда беда была у всех одна, одно горе было у всех – и перенести все это люди могли только сообща.

Древние, столетние старики не помнили таких суровых, трескучих морозов, какие свирепствовали в ту тревожную и опаснейшую для Отечества зиму. Мама сказывала, что на окопах при ветре, обжигающем лицо и пронизывающем насквозь тело, мороз достигал минус пятьдесят

градусов! Такой холодище обычный человек не выдержит даже в овчинном тулупе, в теплых ватных брюках, в меховом малахае и в варежках из овечьей шерсти. А женщины и старики работали на окопах в лаптях с онучами или в полухудых валенках, в легких, выдавших виды телогрейках и зипунах. Бывало, что у женщин поверх голого, нежного тела – только сатиновая или ситцевая юбка, да и та вся в заплатках. Диву даешься, как могли милые, родные наши женщины все это выдержать!

На окопах люди работали с раннего утра и до глубокой ночи. За семь километров от села был фронт работы. Уходили туда, сказывала мама, ночью и приходили ночью.

Питание на окопах было двухразовое: завтрак скудный и скудный ужин. Постель – или совсем голый пол, или вместо голого пола – солома. Дом родной у многих был в 50-100 километрах от места, где рыли окопы, а в доме том оставались полуголодные или совсем голодные малолетние дети и дряхлые, беспомощные старики. Покачивая головой, сокрушаясь, говорила мне мама: «Ты, трехлеток, и никуда-нибудь совсем здоровьем бабушка оказались, сердечные, брошенными. Вся моя душа по вам изболелась. И как вы только выжили? – и до сих пор дивуюсь».

В то суровое, тяжелое для народа время было не до узкого семейного милосердия... Беда в нашем Отечестве была всеобщей. В стороне от той страшной беды никто не остался. Десятки миллионов людей оказались ее заложниками: одних сразила пуля врага, других – непосильная для человека, по сути дела, лошадиная работа, а третьих свел в могилу голод. В военную пору голод охватил и Среднее Поволжье. На моих глазах умирали от голода дети, женщины, старики. Страшно становится, когда из памяти вдруг выплывает леденящий душу этот ужас!..

Мама рассказывала, что окопы-траншеи изможденные, испытанные до дна голодом, холодом и непосильной работой люди рыли глубиной до трех метров. Выполняли они эту адскую

работу терпеливо, тихо, безропотно, но старательно. Они понимали, что без них, женщин, больше никто это сделать не сможет. Женщины понимали, то, что они делали, может стать, в случае чего, той самой последней надеждой, которую имели на фронте про запас, носили в себе их отцы, мужья, братья. Короче говоря, женщины выполняли перед Родиной священный долг!

Многие траншеи женщины и старики рыли на том месте, где стояли вековые, взметнувшиеся к небесам громадных размеров дубы и сосны. Женщины и старики эти деревья-гиганты пилили под корень двуручной пилой. Затем они выкорчевывали мощные пни и начинали, чем придется, сантиметр за сантиметром, до трехметровой глубины долбить промерзлый, надежно переплетенный корнями деревьев слой земли.

Недавно в одном из залов волшебного ленинградского Эрмитажа – этого величественного пантеона духа – я был мгновенно погружен в поток стремительного волшебного сияния, которое исходило с жизнеутверждающих полотен Фр. Буше, Фр. Лемуана... То было сияние женственности, радости жизни, любви, нежного обаяния! То был зов вечного пробуждения Весны! Такие шедевры, как «Триумф Венеры», «Купальница», «Гала-

На окопах

тея и Пигмалион», «Юпитер и Ио» сразу же повели меня в тайны философии творения жизни земной и космической. В те счастливые мгновенья меня всего залило божественной музыкой и райской игрой цветов утверждение жизни. Каждой клеточкой своей я чувствовал, как все сильнее и сильнее подымается полове света и тепла, магическое полове, вызываемое Женщиной – средоточием. Начало всех начал и всего сущего на этом свете. Своими ушами я слышал, как преобразованные в духовный эфир женщины воздушно слетали с полотен и пели чудесные песни о сокровенных тайнах жизни на земле!

Ну разве не о до конца непостижимых таинствах женщины говорит вот уже полтысячи лет гениальное, наверное, Богом благословенное творение Леонардо да Винчи «Джоконда»?!

А как начинает петь душа человеческая, когда мы мысленно прикасаемся к живописным симфониям А.А. Пластова «Весна», «Родник», «Из прошлого», «Солнышко»?!

И вот в трагические для нашей страны, для нашего народа дни Второй мировой войны, когда черно-коричневый смерч фашизма густым мраком накрыл нашу многострадальную землю, та самая Мадонна, которая призвана Творцом на планету Земля для создания и поддержания на ней, на Земле, света, трепетного волнений любви, душевного тепла и покоя, была демоническими силами обречена на ужасные страдания. И она, женщина, страдала... Женщина приняла на себя нечеловеческие страдания во имя нашего настоящего и будущего. Страдая, женщина утверждала добро и в этом утверждении побеждала зло...

Зимой, свирепой зимой 1941-1942 годов, над изуродованном войной пространством земли нашей стоял человеческий стон... Стон стоял и над окопами в районе Тагай. Стонали

женщины... Женщины не плакали: им нечем было плакать; у них, выплававшихся от нежданно-негаданно свалившихся на них мучительных потрясений, уже не было слез. Женщины стонали!.. Даже грохот шквальных ветров, неистово бесившихся в безбрежной снежной кутерьме по буграм, долам, проселкам и перелескам вынужденно исковерканной человеком земли, не мог заглушить стон женщин. «Казалось мне, – вздохнув говорила мама, – что все сатанинские силы ада собрались в тот самый момент вокруг нас, несчастных и беззащитных, на свои злоеющие гульбища». Силы зла не только там, на фронте, но и тут, в далеком тылу, справляли свои оргии!..

Стонали женщины в военное лихолетье... От этого стога даже в самой вечной природе и то было замешательство!..

Вы никогда не слышали, как стонет земля? Так вот: тогда, в войну, она стонала!

В моем родовом присурском селе Кадышево, что степенно и прилично стоит в каких-то сорока километрах от языковских, пушкинских, пластовских мест, тот же надрывный стон по округе разносился в то время. Я, трехлетний несмышлениш, вместе со своей добрейшей, сказочной, мудрейшей восьмидесятилетней бабушкой Анисьей Архиповной слышал этот стон. Я его и сейчас слышу!.. Когда я его слышу, мне становится страшно, и на меня лезут видения с картин Брюллова «Последний день Помпеи» и Верне «Буря»...

«О люди, – не переставая думаю я, – зачем вы, люди, олицетворяющие венец мироздания, придумываете для себя эти ужасные страдания?! Зачем?!»

Люди!!! Я прошу вас: постоянно памятью своей возвращайтесь к своему прошлому. Не забывайте, люди: оно, прошлое, для того и дается нам, чтобы мы в будущем всегда помнили о нем и чтобы из прошлого добро брали, а зло навсегда оставляли там.

Николай НАРЫШКИН.

Об авторе

Николай Васильевич НАРЫШКИН

Профессор казанского государственного технического университета (КАИ) им. А.Н. Туполева, Действительный Член Российской Академии Гуманитарных Наук (Академик), Академик Международной Гуманитарной Академии «Европа-Азия», Почетный профессор Института культуры мира (ЮНЕСКО), член Союза писателей России, член Союза журналистов, публицист, Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Татарстана, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Кавалер Почетного знака Ульяновской области «За веру и добродетель», Кавалер медали Татарстана «За доблестный труд», Почетный гражданин муниципального образования «Карсунский район» Ульяновской области, Председатель Юбилейного Языковского Оргкомитета, автор 28 книг: «Махотин извоз», «Мятущаяся Россия», «Священная Сура», «Кадышевский эпос», «Разговор праведника с нечестивцем», «Русский дневник», «Сквозь плену времен. Афоризмы», «Моя Посурская сторона» и более 500 других произведений...

